

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Ю. В. Новикова

Аннотация. *Статья посвящена феномену двойничества в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Предметом исследования являются двойники как воплощение разных нравственных понятий, как раздвоение действительности и идеала, а также как удвоение на основе ситуаций. Истинное сходство у М. А. Булгакова балансирует на тонкой грани между двумя формами ложного сходства персонажа и его пародийным изображением. С высоты масштаба рассматриваемого явления абсолютное сходство встречается крайне редко, поэтому пародийное двойничество в системе троереирия романа основано на принципе лейтмотивного построения повествования, суть которого заключается во множественном повторении мотивной структуры героя, при этом каждый раз на новом витке своего развития. С точки зрения семиотической организации текста размывание подобия достигается с помощью колических переворачиваний по линии снижения и смещения контекста. Актуальность изучения двойничества в исследуемом романе как приема пародирования помогает лучше понять эпоху, позицию автора и внутренний мир героев, выявить проблему поиска и испытания правды, идеи. В исследовании нами были применены общенаучные методы (описательный метод, анализ), лингвистические (метод сплошной выборки), а также литературоведческие (культурно-исторический, метод литературоведческой интерпретации).*

Ключевые слова: *двойничество, двойник, мотив, пародия, карнавал, сходство, различие, роман «Мастер и Маргарита», М. А. Булгаков, троереирия.*

Для цитирования: *Новикова Ю. В. Мотив двойничества в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Наука и школа. 2022. № 3. С. 30–40. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-30-40.*

© Новикова Ю. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE DUALITY MOTIF IN THE NOVEL
 “THE MASTER AND MARGARITA” BY M. BULGAKOV

Yu. V. Novikova

Abstract. *The article is devoted to the phenomenon of duality in the novel “The Master and Margarita” by M. Bulgakov. The doubles are researched as an embodiment of different moral concepts, as a bifurcation of reality and ideal, and also as a doubling based on situations. M. Bulgakov’s true similarity balances on a fine line between two forms of the character’s false similarity and his parody image. From the height of the scale of the phenomenon under consideration, absolute similarity is extremely rare, therefore the parodic duality in the three-world system of the novel is based on the principle of the leitmotif construction of the narrative, the essence of which is the multiple repetition of the motivational structure of a hero, each time being at a new stage of its development. From the point of view of the semiotic organization of the text, the blurring of similarity is achieved with the help of comic reversals based on the reduction and context shifts. The relevance of studying duality in the novel under consideration as a parodying technique helps to better understand the epoch, the author’s position and the inner world of the heroes, to identify the problem of finding and testing the truth and ideas. In the study, we used general scientific methods (descriptive method, analysis), a linguistic one (continuous sampling method), as well as some literary ones (cultural and historical, method of literary interpretation).*

Keywords: *duality, double, motif, parody, carnival, similarity, difference, novel, three-world system.*

Cite as: Novikova Yu. V. The duality motif in the novel “The Master and Margarita” by M. Bulgakov. *Nauka i shkola.* 2022, No. 3, pp. 30–40. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-30-40.

Специфика романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» состоит в постоянной внутренней связи и взаимном проникновении фантастических и реальных элементов, причем фантастические образы, несмотря на всю свою причудливость, предстают не как явления из параллельного мира, а как другая сторона той же самой действительности, того же самого реального мира, в котором живут и страдают живые лица, выводимые автором. В мениппейном романе М. А. Булгакова многие персонажи живут двойною жизнью, попеременно перевоплощаясь в других персонажей то в фантастическом, то в реальном мире. Можем предположить, что двойничество – это способ для персонажей, а возможно, и для самого автора через

своих персонажей почувствовать свободу, не привязываясь и не отстраняясь ни от одной из областей. Особенности двойничества в романе является его одновременно карнавализованный и пародирующий характер. Карнавал здесь выступает как форма протеста, в рамках которого решаются задачи мировоззренческого поиска художника. В то время как пародия представляет собой средство объяснить существование двойников и их место в художественной концепции романа.

Обзор исследований за последние пять лет показывает интерес к двойничеству как множественному дублированию в зеркальном отражении по принципу матрешки [1], полюсной композиции в полифонической структуре произведения [2],

размыванию подобия устойчивых границ между референтами и связанных с ними понятий [3]. Появились новые работы, посвященные истории вопроса о двойничестве в русской и зарубежной литературе [4; 5], и в частности изучению двойничества в творчестве Н. В. Гоголя [6], Ф. М. Достоевского [7; 8], М. А. Булгакова [9; 10].

Актуальность изучения темы двойничества в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова состоит в том, что она помогает лучше понять эпоху, позицию автора, внутренний мир героев, жанровую специфику текста произведения, выявить проблему поиска и испытания правды, идеи.

Цель нашего исследования – представить свой взгляд на мотив двойничества в романе, предложить свою авторскую интерпретацию уже ранее рассматривавшихся в научной литературе двойников главных и второстепенных персонажей произведения, а также выявить приемы достижения пародийного эффекта двойничества.

В исследовании нами были применены общенаучные методы (описательный метод, анализ), лингвистические (метод сплошной выборки), а также собственно литературоведческие (культурно-исторический, метод литературоведческой интерпретации).

Как мы уже отмечали, жанровая природа «Мастера и Маргариты» склоняется в сторону мениппеи [11; 12], хотя здесь присутствуют и черты других жанров – комедии, трагедии, драмы, сатиры. Неотъемлемым элементом мениппеи выступает пародия, которая в романе создается посредством развенчивающего двойника. Причем пародийный смеховой элемент двойничества не строится на голом отрицании пародируемого объекта, а носит амбивалентный характер. Пародия здесь возрождается и обновляется через сменяемость пар двойников в разных мирах. Карнавальные пары пародируют друг друга,

обнаруживая ряд сходств и различий, бесконечно переходящих из одного состояния в другое и меняющих направление, свойства и характер своих составляющих. Случаи полного сходства – достаточно редкое явление. С точки зрения пространственно-временной организации текста размывание подобия объясняется принципом лейтмотивного повторения, предполагающем репродукцию как устойчивых признаков и свойств между объектами сравнения, так и обновляемость уже в новом качестве своих дискретных компонентов.

Не преследуя цели прокомментировать и рассмотреть в работе все, что было написано о феномене двойничества в творчестве М. А. Булгакова (и в «Мастере и Маргарите» в частности), обозначим основные направления главной тенденции. Во-первых, в критической литературе по изучаемому роману двойничество рассматривается интертекстуально, то есть в каждом из миров, представленных в произведении, – «исторический», «фантазмагория Воланда» и «московские главы», выделяют внутритекстовых двойников [13; 14]. Во-вторых, затекстовый поиск реальных прототипов персонажам романа позволяет установить параллелизм судеб и характеров между собирательными образами романа и их реальными и историческими воплощениями [13; 15–17]. И наконец, межлитературный поиск, позволяющий выявить соответствия и различия между персонажами «Мастера и Маргариты» и трагедией И. В. Гёте «Фауст», предпосылкой к чему стали заглавие, эпиграф, а также рассказ о печальной судьбе черных котов в эпилоге «Мастера и Маргариты» [13; 18; 19].

О. Гуревич утверждает, что три мира романа структурируются посредством фреймов, то есть схожего набора понятий и структур, способных объяснить связь между двойниками. При этом структура каждого мира в отдельности более сложна, чем общий фрейм, и из

трех миров можно вывести несколько общих структур, что в итоге приводит к построению соответствий между персонажами из разных пространств [20, с. 1–2]. Теория О. Гуревич в свою очередь строится на концепции построения персонажных соответствий Б. В. Соколова [21]. Он выделяет семь «триад» (персонажей с набором схожих характеристик во всех трех мирах), одну «диаду» и одну «монаду», при этом отмечает, что большинство триад имеет исключительно парное сходство, то есть отсутствие полного сходства между всеми тремя персонажами. Б. М. Гаспаров предлагает рассматривать смысловую природу двойничества через принцип лейтмотивного построения повествования, то есть «мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [13, с. 30]. Е. А. Яблоков, рассматривая мотив двойничества в «Роковых яйцах», рассуждает о двойниках в понятиях этического дуализма – раздвоение ипостасей, в частности, персонажа Короткова на страдательно-«ангельскую» и агрессивно-«демоническую» [22]. Сравнивая мотивы двойничества в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и в «Мастере и Маргарите», М. А. Булгаков также, на наш взгляд, придал этой теме и этому понятию пародийный смысл, почерпнутый из романтической литературы: двойник – враг, человек с прямо противоположными принципами [9, с. 247]. В конфликте двойников в современной Москве и исторических главах выражена идея амбивалентности мира, поливалентность человеческих ценностей, дуальность человеческой души. Поэтика «близнецных» сюжетов широко представлена героями из непересекающихся измерений, что, однако, не мешает узнавать их в друг друга, обнаруживать их общие жесты, установки, слова и другие проявления, которые заставляют иначе

взглянуть на конечный смысл текста. Близнецная тема, успешно начавшись в комедийной литературе, получила новое звучание в сатирических сюжетах, а также философское и даже трагическое значение [9; 23].

Двойничество в литературе рассматривается в двух проекциях – внутренней, предполагающей отделение части сознания или подсознания персонажа и впоследствии продолжающееся в образе самостоятельного двойника, и внешней – функционирование двух самостоятельных персонажей, резонирующих друг на друга в одном аксиологическом пространстве. У первого из обозначенных типов двойник может быть носителем различных психических состояний и свойств – жадность, темная или светлая сторона, совесть, морально-психическое состояние героя и многое другое, причем, в зависимости от авторской концепции, они могут быть представлены как отрицательное либо положительное явление. Второй тип двойников – это воплощения мировоззренческого отношения автора. Они концентрируют бинарные конфликтные оппозиции, подчеркивая двуединую сущность мира. В обоих случаях право называться двойниками получают только те персонажи, которые имеют хоть какую-то общность: происхождение, имя, внешность – все, формально указывающее на их «родство».

Гипотеза применения двойничества в романе, на наш взгляд, состоит в принципиальной нечеткости пародирующих двойников, что создает впечатление балансировки на тонкой грани ложного сходства. Именно на пародирующем двойничестве основана система персонажей романа: почти каждый герой имеет двойника, а некоторые – даже нескольких. Более того, сюжетные коллизии и пространство романа также обнаруживают ситуативных двойников или проявляют двойственность своей природы.

Если двойник – это тот, в ком герой узнает самого себя [24], то под этот

критерий однозначно подпадают Иуда и Алоизий Магарыч. Однако присутствующий здесь пародирующий принцип задает масштаб проблемы, при котором меняются представления читателя о высмеиваемом явлении. Мотив предательства объединяет персонажей, при этом цели и цена предательства каждого из них разные. Иуда предает Иешуа из великого побуждения – спасти народ. Алоизий Магарыч доносит на мастера из своих меркантильных интересов – завладеть новой жилплощадью.

Тесная связь между образами Воланда и Афрания давно отмечается исследователями [13; 25]. Сходство обнаруживается главным образом в ряде бытовых деталей: например, предметы одежды обоих персонажей в сценах бала и убийства Иуды: сравним «Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубаха и стоптанные туфли. Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре» [26, с. 320] и «Теперь на лошадь вскочил человек в военной хламиде и с коротким мечом на бедре» [27, с. 370]. Л. Яновская, указывая на этот факт [27], прослеживает метаморфозу параллелей по нескольким редакциям романа вплоть до его окончательной версии. История появления перстня на пальце Воланда восходит к сцене награждения Пилатом начальника тайной службы за убийство Иуды: «...Тут прокуратор вынул из кармана пояса, лежащего на столе, перстень и подал его начальнику тайной службы, – прошу принять это на память» [26, с. 381]. Использование здесь автором приема ретроспекции одновременно объясняет и связывает обоих персонажей: события ершалаимских глав разъясняют причины происходящего в современной Москве, при этом перстень на пальце Воланда выступает здесь как связующее звено. Свиты Воланда и Афрания также поражают рядом сходных характеристик: трое мужчин и одна женщина. Обе свиты взаимодействуют по

отношению друг к другу как пародирующие двойники в сценах истязания-убийства Варенухи и Иуды. Действия воландовской свиты выступают как пародийные снижения по отношению к четверке из Пилатовых глав: комические параллели обнаруживаются: место расправы – летняя уборная в саду театра Варьете и Гефсиманский сад у подножия Ершалаима, участники расправы – пара из свиты Воланды (кот Бегемот и Клетчатый) и безымянная пара из свиты Афрания, цена расправы – портфель и тридцать тетрадрахм. Завершающей сцену деталью является поцелуй Геллы, который также метафорически относит читателя к событиям в Гефсиманском саду, но пародийно снижается репликой о том, что Варенуха по счастью лишился чувств и «поцелуя не ощутил» [26, с. 133]. Как следует из анализа, внешние по отношению к образам сходные характеристики дополняют друг друга, однако именно пародийная зеркальность делает Воланда и Афрания по-настоящему двойниками. Афраний ведет себя чрезвычайно заносчиво и бахвальствует. Ему позволительно взламывать печати, в его образе пародируется всемогущество и вседозволенность, присущие князю тьмы. Афраний как отражение Воланда в кривом зеркале: сильный и молодой воин, искажаясь, превращается в старика с больным коленом.

Принято считать, что фигура Маргариты – монадна, то есть не имеет двойников [21]. Возможно, идеализация Маргариты и ее восприятие как символа вечной, безусловной любви мешает увидеть ее пародирующего двойника. На наш взгляд, между Маргаритой и Низой по принципу зеркальной концепции явно прослеживается связь, сообщающая всему повествованию определенную многозначность. На первый взгляд, Маргарита и Низа двойники-антагонисты, однако подробное изучение ряда биографических характеристик позволяет увидеть ряд объединяющих их черт: обе

из них – красивые молодые женщины, обе замужем, их мужья состоят на государственной службе, ведут зажиточный образ жизни, у обеих в распоряжении есть слуги. Помимо схожих биографических данных, их непосредственно связывает и одна портретная характеристика: способность менять цвет глаз в состоянии перехода на сторону темных сил. Сравним: «голубые, а теперь казавшиеся черными глаза Низы» [26, с. 366] и «Ощипанные по краям в ниточку пинцетом брови сгустились и черными ровными дугами легли над зазеленевшими глазами» [26, с. 267]. Кроме того, контекст описания их встреч с реальными/потенциальными любовниками также представляет интерес. Сцена знакомства мастера и Маргариты повторяется в ряде деталей встречи второй пары, что создает эффект нелепости и настороженности, а также привлекает внимание читателя в качестве мотива. Ключевым моментом в описании встреч мастера с Маргаритой и Низы с Иудой становится взгляд. Болезненный и тревожный взгляд Маргариты привлекает мастера точно так же, как мгновенно брошенный в сторону Иуды взгляд Низы. Чувствуется во всем описании предопределенность и фатальность последующих за ними событий. Развенчание образа Маргариты через Низу имеет амбивалентный и двуединый характер. Двуединство здесь проявляется в полюсах смены поведенческого модуса обеих героинь. Маргарита любит мастера, служит Воланду и мстит за любовника, его отравляют. Низа не любит Иуду, она его соблазняет, с ним впоследствии расправляются. Наложение двух разных поведенческих проекций выявляет тождественный синтаксис. Любовь божественная воскресает, а любовь сатанинская убивает, вносит раздрай, выводит человека из себя, ведет к мести, злобе и ревности. В этом свете и отношение к мастеру и Иуде меняется. Они предстают как жертвы интриг и

обстоятельств, а не как предатели своего творчества/учителя.

Москва тридцатых годов – это пестрый карнавал и пародия на мир Пилата. Понижение значимости проходит в том числе и по линии мастер – Иешуа. Судьбы автора и его героя имеют ряд схожих черт: одиночество, несоответствие своему времени, травля за свои убеждения, непонимание и непризнанность в обществе. После того, как становится очевидным, что роман не опубликуют, и за последовавшей за этим травлей автора в прессе мастер уходит с головой в состояние экзистенциального страдания. Он по-прежнему не работает, живет на деньги, полученные от выигрыша в лотерею, а вечера проводит со своей возлюбленной на коврике на полу у печки, строит планы поехать в Сочи, но тут с ним приключается душевная болезнь и он попадает в больницу для душевнобольных. Тема страданий интеллигента и писателя начала XX в. является одним из многочисленных каналов, по которым входит в роман тема подвига, крестной смерти и искупления. Психическое состояние интеллигенции определялось этой траекторией судьбы. Она представлялась привлекательной и усыпляла совесть: все здесь освящается смертью, все разрешено тому, кто идет на смерть ради идеи. Но там, где мастер комфортно страдает под присмотром врачей, Иешуа трагически принимает свою смерть на кресте. И если страдания мастера – это пародия на страдания Иешуа, то в глобальном контексте страдания мастера – это пародия на муки Иисуса.

В орбиту лейтмотивного процесса очевидно вовлекаются Иван Бездомный и Левий Матвей, обнаруживающие ряд объединяющих их черт. Иван Бездомный – ученик мастера, Левий Матвей – ученик Иешуа. Особенность этой пары карнаваловых двойников в особой организации финала, в основе которого лежит идея перерождения или перехода

их интертекстуальных воплощений. Сюжетные линии этих персонажей чередуются друг с другом на протяжении всего повествования, никогда при этом не пересекаясь. Параллель Москва–Ершалаим закрепляется и подтверждается в том числе через общность поведения этих персонажей: погоня Ивана в сцене преследования консультанта обнаруживает связь с поведением Левия, пытавшегося спасти от казни своего учителя, но опоздавшего к ее началу. Кроме того, персонажей объединяет один род деятельности и предназначение при своих учителях – принять их учение и нести их идеи дальше в массы.

Двойниками могут выступать не только сами персонажи романа, но и ситуации, несущие в своей основе объединяющие их мотивы. Так, в московских главах обращают на себя внимание сцены с участием кота Бегемота с Клетчатым в торгсине и смерть мастера и Маргариты в подвале, которые ассоциативно восходят к изгнанию из рая, эпизоду библейского Писания из книги Бытия. Вариативность художественного решения мотива изгнания по-разному представлена в обеих сценах. В московских главах близнечный сюжет представлен в комедийно-сатирических красках: путаница и перипетии Бегемота и Коровьева вызывают смех. За сатирическим изображением пороков советской власти – дефицита, иностранщины, валюты – просматриваются параллели с известным библейским сюжетом. Бегемот, подбадриваемый Коровьевым, соблазняется мандаринами. Тут же следует наказание: на отчаянные призывы продавщицы выбегает Палосич «в белом чистом халате» и пытается выдворить подозрительную парочку из магазина. Первая же ассоциация, которая мгновенно возникает в сознании при имени Палосич, то есть сжатого варианта от Павла Иосифовича, – это апостол Павел, имя которого в свою очередь всегда упоминается рядом с именем другого

апостола – Петра. Как известно, оба апостола проповедовали в разных землях: Павел провел большую часть своей жизни за пределами Иудеи, а Петр – в самой Иудее. Если в романе Павел территориально обнаруживается внутри райского торгсина, то снаружи при входе стоит швейцар, не пускавший подозрительную парочку внутрь. Комедийно описанная сцена в торгсине – пародия не только на известную библейскую тему, но и на трагедию, развернувшуюся в райском подвальчике. Все действующие лица трагедии находят своих прямых прототипов в библейском сюжете: мастер – Адам, Маргарита – Ева, змей-искуситель – Азazelло, райское яблоко – «фалернское вино, которое пил прокуратор Иудеи». Мастер и Маргарита, отравленные вином, подобно Адаму и Еве, утрачивают связь с миром навсегда. Кроме того, здесь прослеживаются антиномичные ряды ассоциативных цепочек: наказание – награда, рождение в муках – бездетное и бесплодное существование, тяжелая жизнь в миру – райское пребывание в покое. Там, где Бог наказывает первых людей, Воланд «вознаграждает» своих адептов.

Предметом удвоения могут стать и качества личности как воплощения идеала и действительности. Трусость и раскаяние Пилата выступают как две стороны одной медали. Цена трусости Пилата – двухтысячелетнее просиживание в кресле на площадке в горах вместе со своим верным псом Бангой. Когда приходит полная луна, Пилата мучает бессонница, а когда он спит, то снится ему один и тот же сон: лунная дорога, на которой он мечтает встретить арестанта Га-Ноцри, «потому, что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана» [26, с. 444]. Цена долгого раскаяния Пилата – это прощение и долгожданная встреча с Га-Ноцри. Сьюзен Амерт, комментируя этот сон, замечает что «смерть в первом сне уступает место

бессмертию во втором; наказание заменяется безоговорочной милостью; страдание заменяется спасением» [28, перевод автора]. Открытость финала и обещание справедливости для тех, кто искренне раскаялся в своих проступках и изменил свое мировоззрение. В основе карнавальной пары – трусливого Пилата и его раскаявшегося двойника – лежит идея бессмертия персонажей. Духовная смерть первого и физическая смерть второго подчеркивают их идеальную амбивалентность.

Анализ исследуемого текста показывает, что двойники нередко возникают по принципу калейдоскопа – они часто складываются в такие пары в свете каждый раз новых появляющихся ситуаций. Более того, рассматривая пародирующие двойники в художественной концепции романа, нельзя не обратить внимание на затекстовый мотив двойничества, а именно тот факт, что самый главный двойник в истории человечества – это Иисус Христос, потому что он был богочеловеком, что предполагает наличие двух сущностей. Андрей Кураев в своей книге «Почему православные такие?..», отвечая на вопрос, сколько в Иисусе Бога и сколько Человека, говорит, что «и Христос на 100% Бог и на 100% Человек» [29]. Задача Воланда состояла в том, чтобы как можно меньше стало в Иешуа Га-Ноцри Бога и как можно больше человека, но у него ничего не вышло. Мы видим в финальной сцене, как

Иешуа ведет Пилата наверх. Символическое и сюжетное значение этой сцены станет предметом рассмотрения уже другого исследования.

Результатом нашей работы стало рассмотрение пар двойников и объединяющих их мотивов – Иуда и Алоизий Магарыч, Воланд и Афраний, Маргарита и Низа, Иван Бездомный и Левий Матвей. Между парами этих персонажей нет сходства в его классическом понимании, здесь сходство носит иной характер, пародийный, освященный идеей карнавала и мениппейности в целом. Пародийное двойничество в системе троюмирия романа строится на принципе множественного повторения мотивной структуры персонажа, при этом каждый раз возрождаясь в ином качестве на новом витке своего перерождения. Кроме того, считаем возможным выделить удвоение на основе ситуаций, несущих в своей основе объединяющие их мотивы. Пародийное изображение советской торговли через метафору библейского сюжета, связывающей пару швейцара и Палосича с апостолами Петром и Павлом. Также нами были обнаружены двойники как раздвоение действительности и идеала, выражением которых становятся трусость Пилата и его сновидческое желание исправить свое решение. С точки зрения семиотической организации текста размывание подобия и при этом достижение сходства создаются с помощью комических переворачиваний по линии снижения и смещения контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Половинкина О. И.* По, Бодлер, Достоевский. Блеск и нищета национального гения: колл. моногр.: [рецензия] // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 408–413.
2. *Гусев В. Г.* Сюжет и композиция романа «Братья Карамазовы»: система двойничества, полифоничность диалогов героев // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). С. 4–9. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3631/> (дата обращения: 31.12.2021).
3. *Фаустов А. А.* Вопрос о сходстве и семиотика двойничества: в окрестностях романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 71–83.
4. *Лынова Е. П.* Трансформация темы двойничества в русской литературе // Казанская наука. 2020. № 10. С. 22–24.

5. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. Т. 2, № 1. С. 243–256.
6. Бузуртанова Х. С., Точиева Х. Ш. Традиции Н. В. Гоголя в повести «Двойник» Ф. М. Достоевского // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам XII–XIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. № 7–8. С. 27–31.
7. Авдеева А. Язык Ф. М. Достоевского: приемы создания образа двойничества на примере романа «Подросток» // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы VII междунар. науч. студенч. конф. / отв. ред. Е. А. Журавлёва. Астана, 2020. С. 194–196.
8. Бузуртанова Х. С., Точиева Х. Ш. Двойничество в творчестве Ф. М. Достоевского // Интерна-ука. 2018. № 24–3 (58). С. 7–8.
9. Потеряхина Л. А., Мишина Г. В. Мотив двойничества в романе Михаила Афанасьевича Булгакова // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. В. Климина. Уфа, 2019. С. 245–250.
10. Шевчук О. В. К вопросу о мотиве двойничества в романе М. Булгакова «Записки покойника» // Вісник Запорізького національного ун-ту. Філологічні науки. 2011. № 2. С. 122–125.
11. Proffer E. Bulgakov: Life and work. Ann Arbor, Mich: Ardis, 1984. XVI, 670 p.
12. Новикова Ю. В. Мениппейные характеристики текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 309–313.
13. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 28–82.
14. Haber E. S. The mythic structure of Bulgakov's "The Master and Margarita" // Russian review. Stanford, 1975. Vol. 34, No. 4. P. 382–409. URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen026_haber.pdf (дата обращения: 04.01.2022).
15. Kemp E. The Introduction for the Master and Margarita by Bulgakov M. // Bulgakov M. The Master and Margarita / adapted by E. Kemp. London: Bloomsbury publishing, 2004. P. 4–13.
16. Kidder P. W. The Master and Margarita: Satire and Transcendence // Eric Voegelin Society, 2013. URL: <https://voegelinview.com/master-and-margarita-satire-and-transcendence-pt-1/> (дата обращения: 04.01.2022).
17. Watts G. Mikhail Bulgakov's Jesus in The Master and Margarita // Literature & Aesthetics. 2020. 30 (1). URL: <https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/LA/article/viewFile/14742/12988> (дата обращения: 04.01.2022).
18. Oja M. F. Bulgakov's Ironic Parallel between Margarita and Afranius // Slavic Review. 1991. Vol. 50, No. 1. P. 144–149. URL: <https://www.jstor.org/stable/2500605> (дата обращения: 04.01.2022).
19. Barratt A. The Master and Margarita in Recent Criticism: An Overview // The Master and Margarita: A Critical Companion / ed. by L. D. Weeks. Evanston (Ill.): Northwestern Univ. Press, The American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, 1996. P. 84–97.
20. Gurevich O. Bulgakov's The Master and Margarita: Why Can't Critics Agree on What It Means? // The Slavic and East European Language Resource Center. 2003. Iss. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/229054739_Bulgakov's_The_Master_and_Margarita_Why_Can't_Critics_Agree_on_What_It_Means (дата обращения: 04.01.2022).
21. Соколов Б. В. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита»: очерки творческой истории. М.: Наука, 1991. 176 с.
22. Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. 196 с.
23. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М.: Языки славянской культуры, 2002. 801 с.
24. Михалева А. А. Герой-двойник и структура сюжета // Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 227–231.

25. Pope R. W. F. Ambiguity and meaning in “The Master and Margarita”: The role of Afranius // *Slavic rev.* Stanford, 1977. Vol. 36, No. 1. P. 1–24. URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen034_pope.pdf (дата обращения: 04.01.2022).
26. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: романы. М.: Изд-во «Э», 2016. 640 с.
27. Яновская Л. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри в зеркалах булгаковедения // *Вопросы литературы.* 2010. № 3. С. 5–72.
28. Amert S. The Dialectics of Closure in Bulgakov’s Master and Margarita // *Russian Review.* 2002 Oct. Vol. 61, No. 4. P. 599–617. URL: <https://www.jstor.org/stable/3664746> (дата обращения: 04.01.2022).
29. Кураев А. «Почему православные такие?..». URL: <https://predanie.ru/book/71886-pochemu-pravoslavnye-takie/> (дата обращения: 04.01.2022).

REFERENCES

1. Polovinkina O. I. Po, Bodler, Dostoevskiy. Blesk i nishcheta natsionalnogo geniya: coll. monogr.: [retsenziya]. *Voprosy literatury.* 2018, No. 5, pp. 408–413.
2. Gusev V. G. Syuzhet i kompozitsiya romana “Bratya Karamazovy”: sistema dvoynichstva, polifonichnost dialogov geroev. *Filologiya i lingvistika.* 2018, No. 3 (9), pp. 4–9. Available at: <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3631/> (accessed: 31.12.2021).
3. Faustov A. A. Vopros o skhodstve i semiotika dvoynichstva: v okrestnostyakh romana F. M. Dostoevskogo “Idiot”. *Novyy filologicheskiy vestnik.* 2020, No. 1 (52), pp. 71–83.
4. Lynova E. P. Transformatsiya temy dvoynichstva v russkoy literature. *Kazanskaya nauka.* 2020, No. 10, pp. 22–24.
5. Dzhumaylo O. A. Novye knigi o dvoynichstve. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatelnykh i kulturnykh issledovaniy.* 2017, Vol. 2, No. 1, pp. 243–256.
6. Buzurtanova Kh. S., Tochieva Kh. Sh. Traditsii N. V. Gogolya v povesti “Dvoynik” F. M. Dostoevskogo. In: *Kulturologiya, filologiya, iskusstvovedenie: aktualnye problemy sovremennoy nauki. Proceedings of the XII–XIII International scientific-practical conference.* Novosibirsk, 2018. No. 7–8, pp. 27–31.
7. Avdeeva A. Yazyk F. M. Dostoevskogo: priemy sozdaniya obraza dvoynichstva na primere romana “Podrostok”. In: Zhuravleva E. A. (ed.) *Russkiy yazyk v XXI veke: issledovaniya molodykh. Proceedings of the VII International scientific-practical student conference.* Astana, 2020. Pp 194–196.
8. Buzurtanova Kh. S., Tochieva Kh. Sh. Dvoynichstvo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo. *Internauka.* 2018, No. 24–3 (58), pp. 7–8.
9. Poteryakhina L. A., Mishina G. V. Motiv dvoynichstva v romane Mikhaila Afanasyevicha Bulgakova. In: Klimina L. V. (ed.) *Perspektivy razvitiya sovremennoy gumanitarnogo znaniya. Proceedings of International scientific-practical conference.* Ufa, 2019. Pp. 245–250.
10. Shevchuk O. V. K voprosu o motive dvoynichstva v romane M. Bulgakova “Zapiski pokoynika”. *Visnik Zaporiz’kogo natsional’nogo un-tu. Filologichni nauki.* 2011, No. 2, pp. 122–125.
11. Proffer E. *Bulgakov: Life and work.* Ann Arbor, Mich: Ardis, 1984. XVI, 670 p.
12. Novikova Yu. V. Menippeynye kharakteristiki teksta romana M. A. Bulgakova „Master i Margarita“. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal.* 2021, Vol. 10, No. 2 (35), pp. 309–313.
13. Gasparov B. M. Iz nablyudeniy nad motivnoy strukturoy romana M. A. Bulgakova „Master i Margarita“. In: Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka.* Moscow, 1993. P. 28–82.
14. Haber E. S. The mythic structure of Bulgakov’s “The Master and Margarita”. *Russian review.* Stanford, 1975, Vol. 34, No. 4, pp. 382–409. Available at: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen026_haber.pdf (accessed: 04.01.2022).
15. Kemp E. The Introduction for the Master and Margarita by Bulgakov M. In: Bulgakov M. *The Master and Margarita.* Adapted by E. Kemp. London: Bloomsbury publishing, 2004. P. 4–13.

16. Kidder P. W. The Master and Margarita: Satire and Transcendence. In: Eric Voegelin Society, 2013. Available at: <https://voegelinview.com/master-and-margarita-satire-and-transcendence-pt-1/> (accessed: 04.01.2022).
17. Watts G. Mikhail Bulgakov's Jesus in The Master and Margarita. *Literature & Aesthetics*. 2020, 30 (1). Available at: <https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/LA/article/viewFile/14742/12988> (accessed: 04.01.2022).
18. Oja M. F. Bulgakov's Ironic Parallel between Margarita and Afranius. *Slavic Review*. 1991. Vol. 50, No. 1, pp. 144–149. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2500605> (accessed: 04.01.2022).
19. Barratt A. The Master and Margarita in Recent Criticism: An Overview. In: *The Master and Margarita: A Critical Companion*. Ed. by L. D. Weeks. Evanston (Ill.): Northwestern Univ. Press, The American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, 1996. Pp. 84–97.
20. Gurevich O. Bulgakov's The Master and Margarita: Why Can't Critics Agree on What It Means? *The Slavic and East European Language Resource Center*. 2003. Iss. 4. Available at: https://www.researchgate.net/publication/229054739_Bulgakov's_The_Master_and_Margarita_Why_Can't_Critics_Agree_on_What_It_Means (accessed: 04.01.2022).
21. Sokolov B. V. *Roman Bulgakova "Master i Margarita": ocherki tvorcheskoy istorii*. Moscow: Nauka, 1991. 176 p.
22. Yablokov E. A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova*. Moscow: RGGU, 1997. 196 p.
23. Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy*. In 7 vols. Vol. 6: *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Raboty 1960–1970 gg. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. 801 p.
24. Mikhaleva A. A. Geroy-dvoynik i struktura syuzheta. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2006, No. 2 (3), pp. 227–231.
25. Pope R. W. F. Ambiguity and meaning in "The Master and Margarita": The role of Afranius. *Slavic rev*. Stanford, 1977, Vol. 36, No. 1, pp. 1–24. Available at: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/emen034_pope.pdf (accessed: 04.01.2022).
26. Bulgakov M. A. *Master i Margarita: romany*. Moscow: Izd-vo "E", 2016. 640 c.
27. Yanovskaya L. Pontiy Pilat i Ieshua Ga-Notsri v zerkalakh bulgakovedeniya. *Voprosy literatury*. 2010, No. 3, pp. 5–72.
28. Amert S. The Dialectics of Closure in Bulgakov's Master and Margarita. *Russian Review*. 2002 Oct., Vol. 61, No. 4, pp. 599–617. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3664746> (accessed: 04.01.2022).
29. Kuraev A. "Pochemu pravoslavnye takie?..". Available at: <https://predanie.ru/book/71886-pochemu-pravoslavnye-takie/> (accessed: 04.01.2022).

Новикова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины и иностранные языки», Донской государственной аграрной университет, филиал в Зернограде

e-mail: julienovikova@yandex.ru

Novikova Yulia V., PhD in Philology, Assistant Professor, Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Don State Agrarian University, Zernograd branch

e-mail: julienovikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.02.2022

The article was received on 14.02.2022